ПЕНЗЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 И 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Пензенской дух. Семинаріи.

№ 14.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей съ пересылкою и доставкою 5 руб.

15-го іюля, 1880 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 10 го апрѣля—8 го мая 1880 г. № 905, о воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на продолженіе въ теченіи еще одного года срока сбора пожертвованій въ Россіи въ пользу болгарскаго Калоферскаго Христорождественскаго женскаго монастыря.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 9-го апрѣля за № 1875, о томъ, что Государь Императоръ въ 5-й день апрѣля 1880 года Высочайше соизволилъ на дозволеніе находя-

щимся въ С.-Петербургѣ монахинямъ болгарскаго Калоферскаго Христорождественскаго монастыря Софіи и Макринѣ продолжать въ Россіи еще въ теченіи одного года сборъ пожертвованій въ пользу означенной обители. И по справкѣ Приказали: Во исполненіе изъясненнаго Высочайшаго соизволенія Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) поручить синодальной канцеляріи, по явкѣ въ оную монахинь Софіи и Макрины, сдѣлать надлежащія надписи въ выданныхъ имъ видахъ на прожитіе, для производства же сбора выдать имъ новую шнуровую книгу, въ которой сдѣлать надпись слѣдующаго содержанія: а) чтобы означенный сборъ монахини Софія и Макрина производили въ теченіи одного года сами, не передавая книги ни подъ какимъ предлогомъ въ постороннія руки; б) чтобы подаянія вносили въ оную вѣрно и ясно, и в) чтобы по окончаніи сбора въ какой-либо епархіи, какъ собранныя деньги, такъ и книгу представляли въ мѣстныя консисторіи для повѣрки и доставленія затѣмъ денегъ въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, о чемъ и объявить симъ лицамъ по явкѣ ихъ въ синодальную канцелярію; для напечатанія же объ изъясненной Высочайшей волѣ сообщить редакціи „Церковный Вѣстникъ" по принятому порядку.

Отъ 1-го апрѣля—5-го мая 1880 г. за № 775, о Высочайшемъ разрѣшеніи аѳонскому Андреевскому скиту производить въ Россіи сборъ подаяній еще въ теченіи одного года.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали дѣло по предложенію г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 26-го марта 1880 года за № 1617, о воспослѣдовавшемъ въ 22 день того же мѣсяца Высочайшемъ соизволеніи на то, чтобы находящимся

въ С.-Петербургѣ іеромонаху аѳонскаго Андреевскаго скита Іезекіилю и монаху Пафнутію дозволено было продолжать въ Россіи еще въ теченіи одного года сборъ пожертвованій на окончаніе постройки въ означенномъ скитѣ храма во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. И по справкѣ Приказали: Во исполненіе изъясненнаго Высочайшаго соизволенія Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) поручить синодальной канцеляріи, по явкѣ въ оную іеромонаха Іезекіиля и монаха Пафнутія, сдѣлать въ выданныхъ имъ видахъ на прожитіе и въ представленной ими новой сборной книгѣ надлежащія надписи и 2) сообщить о настоящемъ Высочайшемъ соизволеніи редакціи „Церковный Вѣстникъ„ по принятому порядку.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХ. НАЧАЛЬСТВА.

Пензенское епархіальное начальство 29 мая—10 іюня сего 1880 года, Опредѣлили: Такъ какъ послушницы пензенскихъ монастырей и общинъ весьма нерѣдко являются въ Пензенскую духовную консисторію, по монастырскимъ надобностямъ, въ иноческомъ одѣяніи: то подтвердить, чрезъ Пензенскія Епархіальныя Вѣдомости настоятельницамъ монастырей и общинъ къ точному исполненію указа Святѣйшаго Синода, отъ 9 сентября 1873 года за № 39, напечатаннаго въ № 19-мъ Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1873 года, предупредивъ ихъ, что если и послѣ сего замѣчено будетъ за ними неисполненіе указа Святѣйшаго Синода, то будутъ подвергаемы законной отвѣтственности.

По опредѣленію пензенскаго епархіальнаго начальства, состоявшемуся 31 мая—14 іюня сего 1880 года, жители

деревни Полянокъ, малые Чукалы тожъ, краснослободскаго уѣзда, перечислены приходомъ отъ церкви села Дѣвичьяго-Рукава къ церкви села Чукалъ; о чемъ пензенская духовная консисторія даетъ знать кому слѣдуетъ, къ должному исполненію, чрезъ Пензенскія Епархіальныя Вѣдомости.

По опредѣленію пензенскаго епархіальнаго начальства, состоявшемуся 11—14 іюня сего 1880 года, канцелярскій чиновникъ Пензенской духовной консисторіи, коллежскій регистраторъ Константинъ Миролюбовъ, согласно его прошенію, уволенъ отъ службы по Пензенской духовной консисторіи.

Разрядный списокъ учениковъ Пензенской духовной семинаріи, составленный въ Педагогическомъ Собраніи послѣ испытанія, бывшаго въ іюнѣ мѣсяцѣ 18⁷⁹/₈₀ учебнаго года.

Классъ шестый (VI).

РАЗРЯДЪ ПЕРВЫЙ.

Евгеній Бекетовскій, Николай Переселовъ, Александръ Алявдинъ, Александръ Городецкій, Михаилъ Алферьевъ, Алексѣй Геликоновъ, Иванъ Сердобольскій, Павелъ Орнатскій, Иванъ Архонтовъ, Андрей Ѳедоровскій.

РАЗРЯДЪ ВТОРОЙ.

Алексѣй Покровскій, Семенъ Архангельскій, Ѳедоръ Морозовъ, Иванъ Скворцевъ, Иванъ Виргиліевъ, Иванъ Бѣловзоровъ, Николай Нечаевъ, Иванъ Орловъ, Владиміръ Тарховъ, Петръ Архангельскій, Петръ Островидовъ, Адріанъ Коммодовъ, Иванъ Тассовъ, Сергѣй Смирновъ, Алексѣй Любимовъ.

Классъ пятый (V).

Назначаются къ переводу изъ пятаго класса въ шестой:

РАЗРЯДЪ ПЕРВЫЙ.

Павелъ Конкретовъ, Николай Калліоповъ, Михаилъ Магнитовъ, Михаилъ Пульхритудовъ, Петръ Нероновъ, Алексѣй Кевдинъ, Иванъ Бѣликовъ, Николай Колеровъ, Николай Масловскій.

РАЗРЯДЪ ВТОРОЙ.

Сергѣй Миловскій, Александръ Ильминскій, Алексѣй Прозоровъ, Владиміръ Масловскій, Степанъ Масловскій, Александръ Алекторовъ, Григорій Каурцевъ, Иванъ Крыловъ, Алексѣй Кармашенскій, Иванъ Докучаевъ, Александръ Онагровъ, Алексѣй Гвоздевъ, Иванъ Парвулюсовъ, Ѳедоръ Карскій, Илья Кудрявцевъ, Иванъ Николаевскій, Николай Бѣликовъ, Константинъ Успенскій, Димитрій Даниловъ, Михаилъ Добровольскій.

Николай Архангельскій допускается къ экзамену въ августѣ мѣсяцѣ.

Классъ четвертый (IV).

Назначаются къ переводу изъ четвертаго въ пятый классъ:

РАЗРЯДЪ ПЕРВЫЙ.

Степанъ Ильминскій, Ѳедоръ Керенскій, Петръ Агринскій, Серафимъ Старосивильскій, Александръ Антониновъ, Анатолій Дроздовъ, Владиміръ Покровскій, Иванъ Ключаревъ, Василій Васильевъ, Александръ Архангельскій, Николай Лентовскій, Александръ Пульхритудовъ, Павелъ Сердобольскій.

РАЗРЯДЪ ВТОРОЙ.

Рафаилъ Тепловъ, Николай Доброхотовъ, Николай Синайскій, Николай Архангельскій, Иванъ Побѣдимскій, Иванъ Нечаевъ, Квинтиліанъ Кашкаровъ, Андрей Нечаевъ, Александръ Цельсовъ, Валентинъ Бѣляевъ, Александръ Туберозовъ, Александръ Львовъ, Николай Сергіевскій.

РАЗРЯДЪ ТРЕТІЙ.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ по сочиненіямъ: Степанъ Быстровъ; по латинскому языку: Серафимъ Любимовъ и Димитрій Симелейскій; по обзору философскихъ ученій: Степанъ Юнгеровъ.

Иванъ Безсоновъ увольняется по прошенію.

Допускаются къ экзамену въ августѣ мѣсяцѣ: Михаилъ Каурцевъ, Матвѣй Пазельскій, Владиміръ Соколовъ.

Классъ третій (III).

Назначаются къ переводу изъ третьяго въ четвертый классъ:

РАЗРЯДЪ ПЕРВЫЙ.

Иванъ Невзоровъ, Серафимъ Введенскій, Константинъ Рождественскій, Николай Чукаловскій.

РАЗРЯДЪ ВТОРОЙ.

Димитрій Протодіаконовъ, Григорій Вигилянскій, Петръ Бѣляевскій, Василій Ласточкинъ, Александръ Урановъ, Өедоръ Соловьевъ, Иванъ Николаевскій, Александръ Дилигенскій, Евгеній Тассовъ, Григорій Миловъ, Михаилъ Тацитовъ, Өедоръ Богоявленскій, Иванъ Назаретскій, Николай Алеутскій, Павелъ Кевдинъ, Алексѣй Тарховъ, Алек-

сѣй Миловскій, Павелъ Воронцовъ, Владиміръ Рамзайцевъ, Василій Перовскій, Михаилъ Голубевъ, Николай Лентовскій.

РАЗРЯДЪ ТРЕТІЙ.

Допускается къ переэкзаменовкѣ: по священному писанію—Владиміръ Сергіевскій.

Апполонъ Виноградовъ за малоуспѣшность увольняется изъ семинаріи.

Димитрій Тибровъ допускается къ экзамену въ августѣ мѣсяцѣ.

Классъ второй (II).

Назначаются къ переводу изъ втораго класса въ третій:

РАЗРЯДЪ ПЕРВЫЙ.

Алексѣй Керенскій, Петръ Кудрявцевъ.

РАЗРЯДЪ ВТОРОЙ.

Алексѣй Добросердовъ, Василій Антониновъ, Александръ Соколовъ, Николай Перовъ, Иванъ Масловскій, Павелъ Громовъ, Петръ Архангельскій, Иванъ Каурцевъ, Аркадій Павпертовъ, Иванъ Померанцевъ, Степанъ Благовѣщенскій, Николай Артоболевскій, Александръ Боголюбовъ, Василій Добронравовъ, Николай Быстровъ, Алексѣй Юнгеровъ, Венедиктъ Алякринскій, Иванъ Боголюбовъ, Василій Викторовъ, Алексѣй Архангельскій, Николай Вишняковъ, Иванъ Тассовъ, Андрей Покровскій, Василій Цвѣтковъ, Михаилъ Тюльпановъ, Иванъ Тихомировъ, Никодимъ Старосивильскій, Николай Николаевскій, Павелъ Побѣдимскій, Александръ Фасановъ, Владиміръ Студенскій, Яковъ Бѣловзоровъ, Николай Бадулинъ, Сергѣй Фортунатовъ, Иванъ Рождествен-

скій, Павелъ Солоновъ, Василій Апполоновъ, Павелъ Доброхотовъ, Петръ Юницкій, Александръ Карсаевскій.

Разрядъ третій.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ—по сочиненіямъ: Егоръ Быстровъ, Иванъ Воскресенскій, Серафимъ Козловскій, Николай Лагарповъ, Василій Любимовъ, Михаилъ Любимовъ, Павелъ Строевъ, Василій Никитинъ, Сергѣй Фриновскій,—Димитрій Поляковъ—по французскому языку. Сергѣй Прянзерскій—по геометріи и греческому языку. Иванъ Фортунатовъ—по геометріи и сочиненіямъ. Иванъ Добросердовъ и Алексѣй Шитиковъ оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Классъ первый (I).

Назначаются къ переводу изъ перваго класса во второй:

Разрядъ первый.

Владиміръ Вѣнценосцевъ, Василій Алферовъ.

Разрядъ второй.

Евгеній Астрономовъ, Алексѣй Автократовъ, Аполлинарій Ключаревъ, Петръ Кудрявцевъ, Иванъ Смирновъ, Александръ Архангельскій, Алексѣй Никольскій, Антоній Львовъ, Николай Тюльпановъ, Иванъ Небосклоновъ, Иванъ Орловъ, Александръ Миловскій, Валентинъ Сатурновъ, Николай Александровскій, Иванъ Беневоленскій, Михаилъ Ювенскій, Анатолій Лебедевъ, Василій Маіерановъ, Василій Разсказовъ, Николай Докучаевъ, Яковъ Темногрудовъ, Николай Племянниковъ, Василій Смирновъ, Михаилъ Селезневъ.

Разрядъ третій.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ—по алгебрѣ: Іосифъ Голиковъ, Иванъ Европейцевъ, Николай Перуновъ; по сочиненіямъ: Сергѣй Росницкій, Николай Степановъ, Серафимъ Рачинин; Александръ Аргузовъ—по священному писанію; Димитрій Покровскій—по всеобщей гражданской исторіи; Павелъ Добросердовъ и Владиміръ Кашинскій—по алгебрѣ и по сочиненіямъ; Иванъ Пикторовъ—по священному писанію и сочиненіямъ; Александръ Постниковъ—по латинскому языку и сочиненіямъ; Иванъ Артоболевскій—по алгебрѣ и латинскому языку; Владиміръ Архангельскій и Иванъ Покровскій—по алгебрѣ и всеобщей гражданской исторіи. Димитрій Доримедонтовъ—увольняется по прошенію.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Валентинъ Чудодѣевъ, Владиміръ Артоболевскій, Михаилъ Покровскій, Алексѣй Артоболевскій, Николай Никольскій, Иванъ Ремезовъ, Иванъ Кротковъ, Петръ Кронтовскій, Николай Миловъ, Алексѣй Боголюбовъ, Серафимъ Яхонтовъ, Василій Студенцовъ, Леонидъ Бѣляевъ, Серафимъ Соловьевъ.

Константинъ Добросердовъ допускается къ экзамену въ августѣ мѣсяцѣ.

Василій Симбуховскій и Иванъ Катмисскій—за малоуспѣшность увольняются изъ семинаріи; Максимъ Небосклоновъ, Иванъ Симилейскій и Викторъ Аристидовъ исключаются изъ семинаріи.

Списокъ учениковъ, державшихъ испытаніе на поступленіе въ I классъ семинаріи.

Получившіе по всѣмъ предметамъ удовлетворительные баллы принимаются въ I классъ семинаріи.

Сутыринъ Иванъ, Ильминскій Яковъ, Мироносицкій Виталій, Троицкій Николай, Несмѣловъ Константинъ; Богородицкій Викторъ, Никольскій Егоръ, Державинъ Евгеній, Владыкинъ Михаилъ, Жаворноковъ Иванъ, Карсаевскій Леонидъ, Началовъ Алексѣй, Элпидовъ Яковъ, Фатигаровъ Ѳедоръ, Любимовъ Павелъ, Козловскій Иванъ, Введенскій Александръ, Бадулинъ Николай, Ключевъ Константинъ, Виргиліевъ Василій, Макаровъ Иванъ, Миловзоровъ Александръ, Невзоровъ Андрей, Переспѣловъ Владиміръ, Лебедевъ Митрофанъ, Львовъ Николай, Тарховъ Сергѣй, Бѣловзоровъ Константинъ, Медіоланскій Григорій, Васильевскій Дмитрій.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ въ августѣ мѣсяцѣ:

По греческому языку: Ципровскій Иванъ, Фабіевъ Тихонъ, Началовъ Петръ, Благославовъ Василій; по ариѳметикѣ: Феликсовъ Михаилъ, Петропавловскій Василій, Каллистовъ Ѳедоръ, Каурцевъ Василій, Листовъ Семенъ; по русскому языку: Недогадовъ Петръ, Новодѣвическій Алексѣй, Смирновъ Дмитрій, Русановъ Николай; Тифлисовъ Митрофанъ—по географіи и ариѳметикѣ; Тарховъ Константинъ—по латинскому и греческому языку; Толузаковъ Иванъ—по русскому языку и ариѳметикѣ.

ВОЗЗВАНІЕ*).

Страшный пожаръ 19 мая сего 1880 года истребилъ со всѣмъ имуществомъ церковь села Мокшалей и почти

*) Печатается по опредѣленію консисторіи, вслѣдствіе отношенія отъ 20 іюня, 1880 г. за № 4052.

весь приходъ. Прихожане, не имѣя еще ни крова ни хлѣба, не имѣютъ никакихъ средствъ приступить къ постройкѣ новаго храма. Между прочимъ постройка онаго въ виду крѣпко усилившагося въ сосѣднихъ селахъ раскола, крайне необходима въ самомъ непродолжительномъ времени. Это обстоятельство вынуждаетъ обратиться ко всѣмъ ревнителямъ православія и любителямъ благолѣпія храма Божія съ покорнѣйшею просьбою не оставить посильными жертвами на постройку онаго.

Пожертвованія можно адресовать въ г. Саранскъ, священнику села Мокшалей Іакову Русанову или о. благочинному, пригорода Атемара священнику Василію Александровичу Корнеліеву.

Села Мокшалей свящ. **Іаковъ Русановъ**.

Редакторы, преподаватели семинаріи: А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 15 іюля 1880 г. Цензоръ, ректор. сем., прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.



ПЕНЗЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 іюля. № 14. 1880 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ОБЫЧАИ И УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ*).

Домашніе обѣды у первыхъ христіанъ. Мы уже видѣли, въ чемъ состояли и какъ происходили общественныя трапезы первыхъ христіанъ, извѣстныя подъ именемъ агапъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ главномъ и существенномъ тотъ же характеръ

*) Продолженіе. См. № 13.

представляли и ихъ частные, домашніе обѣды. Не говоря уже о молитвѣ, которою у первыхъ христіанъ начинался и оканчивался, какъ извѣстно, не одинъ обѣдъ, но всякое дѣло вообще, обратимъ вниманіе на тѣ указанія, которыя объясняютъ, что существенный характеръ частныхъ христіанскихъ обѣдовъ въ древности составляла простота пищи и умѣренность ея употребленія, трезвость или воздержность, и скромное поведеніе за столомъ. „На нашихъ обѣдахъ, говоритъ Минуцій Феликсъ въ своемъ діалогѣ „Октавіи“ (гл. 31), господствуетъ не только нравственная чистота, но и трезвость: мы отнюдь не допускаемъ излишества и наше веселіе умѣряется скромностью и степенностью“. Надобно замѣтить, что свидѣтельствъ о воздержаніи, или трезвости, какъ самой существенной добродѣтели первыхъ христіанъ, разсѣяно множество и въ книгахъ св. Писанія, и въ твореніяхъ св. отцевъ и учителей Церкви. Не смотря на то, что запрещенія на мясо и вино не было, многіе изъ первыхъ христіанъ, сами по себѣ, добровольно, воздерживались отъ употребленія того и другаго. Такъ и о св. Матѳеѣ извѣстно, что онъ никогда не вкушалъ мяса; св. Іаковъ, по свидѣтельству Климента александрійскаго, питался только хлѣбомъ и водою (Педагогъ Климент. II), а св. Петръ, по увѣренію св. Григорія Назіанзина, только—бобами. Блаж. Іеронимъ въ письмѣ къ Маркеллу говоритъ: „такъ какъ мы не предаемся пьянству и не открываемъ своихъ устъ для неприличнаго хохота, то насъ за это называютъ: *мрачными, унылыми и воздержными*“. Въ числѣ главныхъ качествъ покаянія Тертулліанъ называетъ и умѣрен-

ность въ пищѣ и питіи, по которой ничего не слѣдуетъ употреблять для удовлетворенія чрева, а только для простаго поддержанія жизни. Такимъ образомъ самый чистый, самый нравственный обѣдъ, по духу первыхъ временъ христіанства, былъ тотъ, въ которомъ не употреблялось мяса и который Тертулліанъ характеризуетъ словомъ *сухоядѣніе* (о покаян. Терт. І. 9). Христіанскій поэтъ Пруденцій, описывая простоту христіанскаго обѣда, говоритъ, что у народовъ необузданныхъ и жестокихъ обѣдъ состоитъ изъ мяса четвероногихъ, а у насъ христіанъ изъ самыхъ невинныхъ яствъ, заимствованныхъ болѣе изъ царства растительнаго, изъ овощей разныхъ, изъ трубыхъ хлѣбныхъ стручковъ, молока, сыра, меду и сладкихъ фруктовыхъ плодовъ. Такая простота христіанскихъ обѣдовъ кромѣ того, что была въ духѣ первыхъ вѣрующихъ, особенно прилична была тому мѣсту близъ гробницъ мучениковъ, гдѣ часто во время гоненій приходилось обѣдать, спасая свою жизнь отъ языческихъ преслѣдованій. Сами язычники хорошо знали о степени воздержанія первыхъ христіанъ и Лукіанъ, желая охарактеризовать ихъ съ этой стороны, ничего не нашелъ лучше, какъ назвать ихъ *блѣднолицыми, изможденными* (κατωχρισμένοι). Чтобы отклонить всякій поводъ къ соблазну для своей трезвости и скромности, первые вѣрующіе старательно воздерживались отъ посѣщенія пиршествъ языческихъ и строго осуждали тѣхъ, кто въ нихъ участвовалъ. Такъ въ одномъ письмѣ (68-мъ) Кипріана мы читаемъ, что когда въ III-мъ вѣкѣ испанскій епископъ Марціалъ, забывши о своемъ санѣ, позволилъ себѣ сидѣть за обѣдомъ языческимъ, былъ

обвиненъ въ идолослуженіи и низверженъ изъ сана. Наконецъ, отмѣтимъ и эту характеристическую черту первыхъ вѣрующихъ, по которой они всякій разъ, какъ только принимали чашу съ виномъ, имѣли обычай осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ и призывать имя Іисуса Христа (Церк. Ист. Созом. кн. V. гл. 17). О томъ же самомъ обычаѣ свидѣтельствуетъ и Григорій Назіанзинъ, который утверждаетъ, что вѣрующіе поступали такимъ образомъ и тогда, когда пили даже простую воду (первое слово Гр. Наз. противъ Юліана отступника).

IV. Древне-христіанское братство. Когда мы говорили о милостыни у первыхъ христіанъ и о совершеніи агапъ, то уже изъ самыхъ дѣлъ благотворительности и взаимной любви первыхъ вѣрующихъ видно было, какую грандіозную картину представляло древне-христіанское братство; но эта картина явится еще полнѣе, если мы покажемъ, въ какомъ широкомъ смыслѣ слово братство употреблялось вѣрующими въ первенствующей церкви.

Хотя братство было извѣстно еще іудеямъ, но у нихъ оно ограничивалось тѣснымъ кругомъ своего племени (Строматa Климент. алекс. 1, 18), и только христіане стали употреблять это названіе въ самомъ обширномъ смыслѣ, не только по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ, но по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія, и къ іудеямъ и къ язычникамъ. „Мы также и вамъ братья по природѣ, нашей общей матери, говоритъ Тертулліанъ, обращаясь къ язычникамъ, хотя вы дурные братья, такъ какъ въ васъ мало человѣческаго“ (Апол. Терт. гл. 39). Лактанцій же еще подробнѣе объясняетъ это, когда гово-

ритъ, что „истинная религія есть только одна, которая можетъ представить дорогимъ одного человѣка другому, научая, что всѣ люди связаны между собою союзомъ братства, потому что Богъ есть общій Отецъ всѣхъ“ (Мартиньи, стр. 282). Точно также и мученикъ Іустинъ въ своемъ *разговорѣ съ Трифономъ—іудеемъ* прямо называетъ братьями и іудеевъ, и язычниковъ: „мы говоримъ вамъ всѣмъ: вы наши братья“. Въ діалогѣ Минуція Феликса, извѣстномъ подъ названіемъ „Октавій“, христіанинъ Октавій имя брата постоянно даетъ своему собесѣднику язычнику Цецилію.

Но, само собою разумѣется, что между самими христіанами братство должно было существовать несравненно тѣснѣйшее. „Но насколько справедливѣе, продолжаетъ говорить Тертулліанъ въ приведенномъ выше мѣстѣ, насколько справедливѣе называть братьями и считать такими тѣхъ, которые признаютъ единымъ своимъ Отцемъ Бога, которые напоены единымъ духомъ святости и которые, выйдя изъ одного и того же мрака невѣденія, вдругъ озарены свѣтомъ одной и той же истины!! Но можетъ быть насъ считаютъ братьями малозаконными, потому что въ нашемъ братствѣ ни въ какой трагедіи воплей неиспускаютъ (намекъ на извѣстную трагедію Еврипида „Братья Тевены“), или еще лучше потому, что мы братья по общенію имущества, каковое общеніе у васъ почти всегда разрушаетъ узы братства“. Подобно этому обращается къ язычникамъ и Минуцій Феликсъ: „мы узнаемъ другъ друга, говоритъ онъ, не по извѣстнымъ знакамъ тѣлеснымъ, какъ думаете вы, но по невинности и

скромности. Мы любимъ другъ друга, ибо враждовать не научились, и вотъ что для васъ прискорбно. Зовемъ другъ друга братьями, какъ дѣти единаго Отца Бога, какъ соучастники вѣры, какъ сонаслѣдники упованія, и вотъ что для васъ ненавистно. Вы же не можете признать себя ни по одному изъ этихъ признаковъ; вы постоянно питаете другъ къ другу взаимную ненависть и не признаете себя братьями, развѣ только когда затѣваете отцеубійство" („Октавій" Мин. Фел. гл. 31, стр. 358).

Братскія отношенія между христіанами установились тотчасъ, какъ только Спаситель сказалъ ученикамъ своимъ: всѣ вы—братья и отецъ у васъ одинъ Богъ (Мтѳ. 23, 8); съ тѣхъ же поръ это названіе стало постоянно употребляться и въ обыкновенномъ разговорѣ, и въ письменныхъ актахъ. Такъ апостолы не иначе называютъ своихъ учениковъ, какъ этимъ именемъ,—слова: *мужіе братіе* стоятъ въ началѣ почти всѣхъ ихъ бесѣдъ, это же названіе они употребляютъ и въ своихъ посланіяхъ къ разнымъ христіанскимъ церквамъ и обществамъ,—въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ св. Лука тоже иначе и не называетъ вѣрующихъ, какъ братьями. Тѣмъ же самымъ языкомъ говорятъ и всѣ отцы и учители церкви; для примѣра укажемъ на св. Кипріана, который свои посланія также иначе не начинаетъ, какъ словами: *миръ вамъ, возлюбленнѣйшіе братіе..* тѣми же словами открывается и трактатъ его о *падшихъ*, составленный послѣ гоненія Декія. Наконецъ, тотъ же самый языкъ сохранился и до настоящаго времени въ практикѣ литургической и въ обычаяхъ христіанской проповѣднической каѳедры.

Христіанское братство въ древности прежде всего обусловливалось таинствомъ крещенія, которое давало право на имя брата каждому новокрещенному. Св. Іустинъ прямо говоритъ объ этомъ въ своей апологіи (кн. I. гл. 65): „когда мы, объясняетъ онъ, обмываемъ (водою крещенія) того, кто предварительно выразилъ свое согласіе на нашу вѣру и наше ученіе, то мы (тѣмъ самымъ) присоединяемъ его къ тѣмъ, которые называются братьями“. Потомъ, это братство запечатлѣвалось таинствомъ евхаристіи, которое, по апостолу, представляетъ одинъ хлѣбъ и одно тѣло для всѣхъ пріобщающихся: *яко единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози: вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся* (1 Кор. X. 17). Такимъ образомъ, все первоначальное общество вѣрующихъ представляло собою одно безраздѣльное духовное братство, одушевленное живою любовію, которую заповѣдалъ апостолъ Петръ, когда говорилъ: *братство возлюбите...* (I посл. 11, 17), и проникнутое такимъ единеніемъ, что всякое различіе въ кровныхъ отношеніяхъ между его членами изчезало, почему всѣ вѣрующіе называли другъ друга братьями и сестрами, необращая вниманія на то, что они никогда не были родственниками по плоти. Особенно многочисленные примѣры на это представляютъ намъ дѣянія мучениковъ, духовное братство которыхъ еще болѣе запечатлѣвалось общностью страданій и мученической славы. Такъ, мученикъ Александръ называетъ братомъ своего общника по мученію Эпиподія, хотя они не были соединены между собою кровными узами. Въ томъ же смыслѣ въ посланіи къ церквамъ Азіи названа сестрою и св. Бландина. О христіан-

скомъ братствѣ было извѣстно и язычникамъ, но такъ какъ у послѣднихъ съ этимъ словомъ соединялся болѣе смыслъ эротическій, вслѣдствіе чего оно могло возбуждать въ умѣ ихъ только идею о безпутствѣ: то неудивительно, что это слово послужило для язычниковъ поводомъ къ самой безчестной клеветѣ на первыхъ вѣрующихъ. Такъ, напримѣръ, язычники говорили, что христіане называютъ другъ друга безъ разбора братьями и сестрами для того, чтобъ обыкновенное любодѣяніе чрезъ посредство священнаго имени сдѣлать кровосмѣшеніемъ: такъ, заключали язычники, хвалится пороками ихъ пустое и безсмысленное суевѣріе (см. „Октавій" Мин. Фел. гл. IX).

V. Гостепріимство у первыхъ христіанъ. Гостепріимство, или, выражаясь библейскимъ языкомъ, *страннопріимство*, было одною изъ главныхъ добродѣтелей первыхъ послѣдователей Іисуса Христа и представляло естественное развитіе великаго принципа христіанской любви и братства. Извѣстно, что апостолъ Павелъ непрестанно внушалъ его вѣрующимъ. Такъ, въ посланіи къ евреямъ онъ говоритъ: *страннолюбія не забывайте, тѣмъ бо не вѣдяще, нѣцыи страннопріяша ангелы* (гл. 13, ст. 2), другими словами—не относитесь нерадиво къ гостепріимству, потому, что чрезъ него нѣкоторые, сами не зная того, удостоились принять къ себѣ ангеловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ словахъ апостола заключается намекъ на то, что нѣкогда случилось съ Авраамомъ и Лотомъ, которымъ суждено было оказать гостепріимство ангеламъ и даже самому Богу, являвшимся къ нимъ во образѣ странниковъ. Потомъ,

перечисляя добрыя качества, какія долженъ имѣть епископъ, апостолъ Павелъ между прочимъ упоминаетъ и о *страннолюбіи*, или гостепріимствѣ. *Подобаетъ епископу*, говоритъ онъ, *быти страннолюбиву* (1 Тим. III.—2 Тит. 1, 8). Въ особенности же апостолъ Павелъ требовалъ этой добродѣтели отъ христіанскихъ вдовъ, желавшихъ посвятить себя на служеніе церкви. *Вдовица*, говоритъ онъ, *да будетъ въ дѣлахъ добрыхъ свидѣтелъствуема, аще чада воспитала есть, аще святыхъ нозѣ умы, аще странныя пріятъ, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тимоф. V, 10). Точно также и св. апостолъ Петръ убѣждаетъ всѣхъ вѣрующихъ оказывать гостепріимство со всею готовностію и безъ роптанія: *будьте страннолюбцы*, говоритъ онъ, *другъ къ другу безъ роптаній* (I Петр. IV, 9). А св. апостолъ Іоаннъ изъ всѣхъ качествъ, которыя онъ любилъ хвалить въ старцѣ Гаіѣ, ничего не находитъ болѣе достойнаго похвалы, какъ его любовь къ страннопріимству. „Возлюбленный мой, писалъ онъ, воистину правильно ты поступаешь во всемъ, что дѣлаешь для братьевъ и странниковъ,—*возлюбленне, вѣрно твориши, еже аще дѣлаеши въ братію и въ странныя*“ (III посл. Іоан. гл. I, ст. 5); кромѣ того, онъ утверждалъ, что оказывать гостепріимство мужамъ апостольскимъ значитъ вмѣстѣ съ ними содѣйствовать преуспѣянію истины. *Мы убо должни есмы*, говоритъ онъ, *пріимати таковыхъ, да поспѣшницы будемъ истинѣ* (3 Іоан. 1, 8). И мы видимъ на самомъ дѣлѣ, какъ эти апостольскія наставленія неуклонно исполнялись первыми вѣрующими. Признавая себя братьями и друзьями по мимо всякой кров-

ной связи, по одному только союзу вѣры, не имѣя при этомъ въ виду никакого другаго вознагражденія, кромѣ того, которое они надѣялись получить въ будущей жизни, первые вѣрующіе всегда и всѣмъ охотно оказывали гостепріимство. Такъ, Климентъ римскій писалъ къ христіанамъ Коринѳскимъ: „кто изъ христіанъ недивится вашему гостепріимству? Вы всегда готовы были больше давать, чѣмъ принимать". Даже было прямо предписано, чтобы въ дѣлѣ гостепріимства слишкомъ строгаго выбора не дѣлать подъ опасеніемъ, какъ бы желаніемъ избрать лучшихъ, предпочтеніемъ однихъ другимъ не унизить всей чистоты и не потерять всѣхъ заслугъ этой добродѣтели (Амвросій—de officiis II, 21; III, 7; De Abraham. V,—Бл. Август. письмо 38). Вообще обязанности гостепріимства въ глазахъ первыхъ христіанъ были настолько священны, что тотъ, кто отказывалъ странникамъ въ этомъ знакѣ братства, считался нарушителемъ единенія вѣры и любви. Недаромъ Тертулліанъ, желая отклонить христіанскихъ женъ отъ вступленія въ бракъ съ язычниками, старается особенно выставить имъ на видъ то, что этотъ союзъ ихъ представитъ для нихъ препятствіе оказывать гостепріимство ихъ братьямъ по вѣрѣ (Ad uxor. II. 4), а это, по мнѣнію вѣрующихъ, было почти равносильно отпаденію отъ самой религіи. Отсюда же, изъ этого взгляда первыхъ христіанъ на гостепріимство объясняется и то крайнее негодованіе, съ какимъ Фирмиліанъ жаловался на то, что папа Стефанъ послѣ собора, разсуждавшаго о матеріи крещенія запретилъ римскимъ христіанамъ

давать у себя пріютъ депутатамъ св. Кипріана, бывшимъ на этомъ соборѣ (Cyprian, epist. 75)...

Язычники смотрѣли на христіанское гостепріимство, какъ на явленіе ненормальное. Имъ казалось, что чувства христіанской дружбы въ данномъ случаѣ переступаютъ всякую мѣру человѣческихъ отношеній и человѣческаго благоразумія, каковой взглядъ язычниковъ и послужилъ источникомъ для самыхъ разнообразныхъ нареканій ихъ на первыхъ христіанъ, такъ что Тертулліанъ неоднократно долженъ былъ опровергать эти нареканія. „Эти дѣла христіанской любви, писалъ Тертулліанъ, обращаясь къ язычникамъ, нѣкоторыхъ изъ васъ до жестокости раздражаютъ противъ насъ, и по этимъ дѣламъ любви нѣкоторые изъ васъ составили о насъ худое мнѣніе. Они сами другъ друга ненавидя, указываютъ на насъ, говоря: посмотрите, какъ они другъ друга любятъ; и—будучи сами готовы убивать другъ друга, говорятъ о насъ съ удивленіемъ, какъ мы напротивъ готовы умирать другъ за друга. Безчестятъ насъ и за то, что мы называемся братьями,— и вѣроятно потому только, что у нихъ самихъ всякое имя родства вызываетъ лишь притворную любовь... Или, можетъ быть, насъ считаютъ братьями незаконными потому, что мы братья по общенію имущества, каковое общеніе у васъ почти всегда разрываетъ узы братства... мы же, соединяясь душею и сердцемъ, ни мало не колеблемся соединять и наши имущества; у насъ все безраздѣльно, кромѣ только женъ (Апологет. Терт. гл. 39).

Извѣстный языческій писатель Лукіанъ, всегда внимательно наблюдавшій за нравами христіанъ съ

цѣлію пародированія и издѣвательства надъ нимъ, весьма пространно говоритъ о христіанскомъ гостепріимствѣ и христіанской щедрости вообще, называя ее *расточительностію и мотовствомъ*. Онъ весьма точно описалъ ту заботливость, съ которою христіане принимали къ себѣ всѣхъ, кто отмѣченъ былъ какими либо заслугами, и ту ревность, съ которою они старались доставить имъ всѣ удобства въ путешествіи. Чтобы рельефнѣе выставить эти черты христіанскихъ нравовъ, Лукіанъ описываетъ дѣйствія одного обманщика Перегрина, который принявъ крещеніе съ корыстною цѣлію и по тайному соглашенію съ нѣкоторыми изъ языческихъ начальниковъ посаженный за то въ тюрьму, какъ бы искренній христіанинъ, долго злоупотреблялъ довѣрчивою любовію вѣрующихъ, пока, наконецъ, не былъ ими открытъ, какъ лицемѣръ, обманщикъ и исключенъ отъ общенія *). Въ подобныхъ сатирическихъ сочиненіяхъ язычниковъ заключается невольная похвала ихъ древнимъ христіанамъ. Въ самомъ дѣлѣ, желая выставить на посмѣшище міра великія дѣла христіанской любви, языческіе писатели въ родѣ Лукіана, естественно, для своей цѣли должны были, какъ можно рельефнѣе изображать христіанскіе нравы, и краски для этого изображенія заимствовать изъ дѣйствительной жизни христіанъ. Но этимъ они достигли прямо противоположной цѣли,

*) Въ послѣдствіи этотъ обманщикъ публично сгорѣлъ во время Олимпійскихъ игръ, свидѣтелемъ чего былъ самъ Лукіанъ, какъ онъ писалъ къ Хроніусу (Лукіанъ De movte Peregvin.).

потомучто величіе христіанскихъ дѣлъ оставалось такимъ несмотря на сатирическую форму ихъ описаній, и язычники при всемъ своемъ издѣвательствѣ надъ христіанскими нравами не могли достаточно надивиться имъ и не признать за ними много хорошихъ свойствъ. Припомнимъ для примѣра извѣстнаго нечестивца Юліана, который многое старался заимствовать отъ христіанъ и ввести въ свой неопаганизмъ, въ надеждѣ поддержать этимъ язычество отъ окончательнаго разложенія, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ св. Григорій Назіанзенъ и церковный историкъ Созоменъ (кн. V, гл. 16). Послѣдній даже передаетъ in extenso письмо вѣроотступника къ Арзаку *), великому жрецу Галатіи, въ которомъ онъ приказываетъ приложить всѣ заботы о приходящихъ чужестранцахъ и построить дома для ихъ пріюта; при этомъ указываетъ ему на примѣръ христіанъ, религія которыхъ, по его мнѣнію,

*) Мы полагаемъ, что здѣсь будетъ интересно сдѣлать нѣкоторую выдержку изъ этого въ высшей степени забавнаго историческаго документа. Созоменъ говоритъ, что Юліанъ, завидуя успѣхамъ христіанства и стараясь вдохнуть новыя силы въ разлагавшееся язычество, думалъ, что онъ достигнетъ своей цѣли, если язычники станутъ наружно подражать всѣмъ тѣмъ дѣламъ и поступкамъ, которые у христіанъ служили, по его мнѣнію, источникомъ силы и дѣйственности ихъ вѣры. И вотъ эти-то мысли свои Юліанъ и излагаетъ въ слѣдующемъ письмѣ къ Арзакію: „Галатійскому жрецу Арзакію. Язычество еще не достигло желаемаго мною благоденствія, и виноваты мы, его приверженцы. Относящееся къ богамъ—славно и величественно...

своимъ распространеніемъ обязана этой *любви христіанъ къ странникамъ*, этой заботливости ихъ о погребеніи мертвыхъ и этой вообще степенности ихъ нравовъ, хотя бы, какъ онъ думалъ, притворной.

Въ древности гостепріимствомъ особенно отличались епископы; ихъ щедрость въ этомъ случаѣ почти не имѣла границъ и составляла всю ихъ славу въ тѣ прекрасныя времена христіанской любви и братства. Такъ извѣстно, что въ числѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, блаж. Іеронимъ внушалъ Непоціану (письм. II къ Непоціану) держать *свой столъ постоянно открытымъ* для бѣдныхъ и странниковъ въ той увѣренности, что въ лицѣ ихъ въ этомъ случаѣ принимается гостемъ самъ Іисусъ Христосъ. Св. Златоустъ, желая похвалить епископа Флавіана, ничего не нашелъ лучше, какъ сказать о немъ слѣдующее: „Его домъ былъ всегда открытъ для странниковъ и пришельцевъ, какъ будто онъ для этого употребле-

---

Но думаешь ли ты, что довольно этого!? Мы и не видимъ, что безбожіе (т. е. христіанство) особенно возрастаетъ любовію къ странникамъ, заботливостью о гробахъ умершихъ и поддѣльною честностью жизни. Я думаю, что намъ надобно по истинѣ исполнять все это и быть такимъ надлежитъ не только тебѣ одному, но всѣмъ жрецамъ Галатіи, которыхъ—стыдомъ ли то, или убѣжденіемъ, ты старайся сдѣлать добрыми (sic!). Если же они съ женами, дѣтьми и рабами не станутъ приходить къ богамъ и будутъ держать галилейскихъ слугъ и женъ, то отставляй ихъ отъ священнослуженія. Потомъ увѣщевай жреца не ходить на зрѣлища, не пить въ корчемницахъ, не заниматься какимъ либо постыднымъ дѣломъ, и непослушныхъ изгоняй. Въ

нія и былъ оставленъ его предками. Всѣ тѣ, которые терпѣли напасти, въ какомъ бы мѣстѣ это ни случалось,—всѣ тѣ, которые соединялись другъ съ другомъ ради защиты истины, находили въ этомъ домѣ добровольное гостепріимство, получали здѣсь все, чего требовали ихъ нужды и ихъ польза,—настолько, что не знаю, какъ надо было назвать его домъ, домомъ ли епископа, или домомъ страннопріимнымъ. Но этотъ домъ принадлежалъ ему тѣмъ больше, чѣмъ больше служилъ для странниковъ; потому что все то, что мы имѣемъ, тѣмъ болѣе будетъ принадлежать намъ, чѣмъ болѣе это будетъ у насъ общимъ съ нашими братьями. Самый лучшій способъ сберечь деньги состоитъ въ томъ, чтобы раздать ихъ въ руки бѣдныхъ и убогихъ" (Бесѣд. I. на книгу Бытія).

каждомъ городѣ устрой побольше страннопріимныхъ домовъ, чтобы пришельцы не только изъ нашего отечества, но и изъ другихъ странъ, когда понадобятся имъ деньги, пользовались нашимъ, человѣколюбіемъ. А откуда что взять—это моя забота! Я уже приказалъ ежегодно раздавать по всей Галатіи 30,000 мѣръ хлѣба и 60,000 семинъ вина... ибо если и нечестивые галилеяне кромѣ своихъ, питаютъ и нашихъ: то стыдно, что наши не получаютъ отъ насъ помощи. Пріучай язычниковъ къ подобнымъ благодѣяніямъ и внуши, что это было въ обычаѣ издревле. Если узнаю, что ты дѣлаешь такъ, какъ я говорилъ, то буду преисполненъ радости". Юліанъ даже совѣтовалъ язычникамъ перенять отъ христіанъ средство очищенія отъ грѣховъ посредствомъ покаянія (Цер. ист. Созом. кн. V, гл. 16).

Кромѣ епископовъ, въ древности еще монахи отличались самымъ широкимъ гостепріимствомъ. Съ самаго начала киновитской жизни монастыри скорѣе были богадѣльнями, чѣмъ обыкновенными жилищами монаховъ. Бл. Іеронимъ въ своей апологіи противъ Руфина вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ: „въ нашемъ монастырѣ гостепріимство оказывается отъ всего сердца и отъ всей души,—и всѣ тѣ, которые къ намъ приходятъ, принимаются нами съ лицемъ свѣтлымъ отъ радости и любви“. Пріемъ гостей въ монастырѣ обыкновенно начинался молитвою, а потомъ ихъ отводили въ назначенную для этой цѣли трапезную, которая отдѣлялась отъ монастыря оградою и находилась близъ самаго входа въ монастырь. Надзоръ и забота о помѣщеніи гостей, или странниковъ, въ каждомъ монастырѣ были ввѣрены одному изъ самыхъ старыхъ монаховъ, который на Западѣ назывался magister hospitum. Египетскіе монахи имѣли еще обычай умывать гостямъ ноги предъ обѣдомъ и если гости прибывали въ большомъ количествѣ, то ихъ приходу они были до того рады, что *въ честь ихъ нарушали даже свои посты*, потому что къ сухимъ яствамъ,—единственнымъ, какія допускались въ обыкновенное время, прибавляли въ такихъ случаяхъ и яства вареныя (Кассіанъ).

Впрочемъ, надобно замѣтить, что какъ бы ни были гостепріимны первые христіане, они наблюдали большую предосторожность по отношенію къ своимъ гостямъ изъ опасенія, какъ бы въ числѣ ихъ не принять обманщиковъ изъ язычниковъ, или людей, отлученныхъ отъ общенія съ церковію. Эта предо-

сторожность была необходима особенно потому, что христіанское гостепріимство не ограничивалось только допущеніемъ гостей къ домашнему очагу, но давало право и на участіе въ высочайшемъ таинствѣ евхаристіи. Поэтому отъ каждаго странника требовалось какое либо удостовѣреніе о его исповѣданіи вѣры. Для полученія же подобныхъ удостовѣреній каждый вѣрующій прежде, чѣмъ отправиться въ странствіе, долженъ былъ испросить у своего епископа аттестацію о себѣ, или *тессеру*, contesseratio hospilitatis, по выраженію Тертулліана. Это были своего рода паспорты, или аттестаты, свидѣтельствовавшіе о нравственной благонадежности тѣхъ, кто имѣлъ ихъ въ рукахъ своихъ. Эти аттестаты представляли или форму обыкновенныхъ рекомендательныхъ писемъ, или форму писемъ своего рода шифрованныхъ, или же *тессеръ*. Для примѣра писемъ рекомендательныхъ можно указать на письмо Ліонскихъ мучениковъ, которое они дали св. Иринею, когда послѣдній отправлялся въ Римъ къ папѣ Елевѳерію. „Мы молимъ тебя, писали они римскому первосвященнику, почесть Иринея за человѣка, исполненнаго любви и ревности по вѣрѣ въ Спасителя... рекомендуемъ его за человѣка, воспитаннаго для званія священнаго" (Церк. Ист. Евсевія кн. V. гл. 4). Втораго рода письма заключали въ себѣ условные знаки, понятные только христіанамъ; эти письма обыкновенно начинались знакомъ креста и подписывались какимъ либо другимъ условнымъ знакомъ; *тессерами* же въ собственномъ смыслѣ служили какія нибудь вещи съ означеніемъ на нихъ христіанскихъ символовъ, въ родѣ, напримѣръ, монаграммы Христова

имени,—таковы же были бронзовыя и хрустальныя рыбки, носимыя на шеѣ и снабженныя извѣстными надписями, понятными только христіанамъ (*), и т. под...

П. Озерецкій.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪ ИСТИННОМЪ ДОСТОИНСТВѢ ЖЕНЩИНЫ.

(Рѣчь преосвященнаго Амвросія, епископа дмитровскаго, при выпускѣ воспитанницъ московскаго Николаевскаго института, произнесенная въ церкви московскаго воспитательнаго дома 31-го мая) (**).

Вамъ, благородныя дѣвицы, оканчивающія нынѣ курсъ ученія, вашему личному желанію я обязанъ утѣшеніемъ совершить нынѣ божественную литургію въ благолѣпномъ храмѣ вашего заведенія, при вашемъ прекрасномъ пѣніи, при молитвенномъ соучастіи столькихъ чистыхъ, юныхъ сердецъ. Въ наше время для служителей церкви не часто достается радость видѣть въ молодыхъ людяхъ благочестивое желаніе выйти въ свѣтъ изъ учебнаго заведенія не послѣ шумнаго веселья, такъ свойственнаго юности, а послѣ торжественнаго богослуженія, и притомъ съ напутствіемъ епископскаго благословенія. И да благословитъ васъ Господь! Да будутъ для васъ памятны навсегда эти

(*) Тессеры были въ обычаѣ и у язычниковъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Плавтъ въ одномъ мѣстѣ своихъ Poenula. У язычниковъ это были какія либо предметы, раздѣленные пополамъ, части которыхъ находились, положимъ, у двухъ друзей, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ. Теперь, если бы я, будучи знакомъ съ однимъ изъ этихъ друзей, захотѣлъ встрѣтить радушный пріемъ и отъ другаго: то долженъ попросить у своего знакомаго часть имѣющейся у него тессеры и предъявить ее его другу при своемъ представленіи. Тогда послѣдній, приложивъ эту часть къ своей по линіи раздѣленія и убѣдясь въ подлинности представленной мною части, съ довѣріемъ принималъ меня, какъ самаго друга своего, хотя бы видѣлъ меня въ первый разъ.

(**) Напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

чувства умиленія, эти молитвенныя движенія сердецъ вашихъ, волнуемыхъ радостію и страхомъ въ настоящіе часы вашей жизни, столь для васъ знаменательные.

Но мнѣ хотѣлось бы въ благодарность за ваше приглашеніе заложить на память въ ваши добрыя души нѣчто болѣе прочное и болѣе плодотворное, чѣмъ одни пріятныя воспоминанія о послѣднихъ дняхъ вашего пребыванія подъ благодѣтельнымъ кровомъ этого заведенія. Вы выходите на широкое поле жизни. Вамъ въ вашемъ возрастѣ свойственно ожидать на этомъ полѣ цвѣтовъ и радостей; но оно само, это трудовое поле ждетъ отъ васъ прежде всего трудовъ, тщательнаго воздѣлыванія участка каждой изъ васъ промысломъ Божіимъ предназначеннаго; ждетъ и достоинствъ ума и сердца; ждетъ нравственной красоты, чтобы вы сами, какъ цвѣты, были украшеніемъ этого поля и бросали отъ себя во всѣ стороны добрыя сѣмена. Васъ снабдили здѣсь орудіями для труда—образованіемъ, познаніями, добрыми правилами и навыками; но уже вамъ самимъ предстоитъ объединить черты требуемыхъ отъ васъ достоинствъ въ одинъ образъ совершенства, носить его въ своемъ воображеніи и съ нимъ сообразовать свои склонности, мысли и дѣйствія. Это называется—создать для себя идеалъ той личности, какую желаете воплотить въ себѣ силою свободной дѣятельности для собственнаго счастія и для блага и утѣшенія общества.

Нынѣ вообще жалуются на утрату людьми нашего времени идеаловъ человѣческаго совершенства; но всего замѣтнѣе и особенно достойно сожалѣнія, если не совершенное исчезновеніе, то искаженіе идеала истинной женщины и тѣмъ болѣе женщины-христіанки. Его-то въ чистомъ видѣ мнѣ желательно оставить на память въ вашемъ умѣ и сердцѣ.

И намъ нѣтъ надобности искать или вновь составлять его. Въ свѣтлыхъ прекрасныхъ чертахъ онъ всегда хранится въ Божественномъ Откровеніи. Ясный очеркъ его мы имѣемъ въ словахъ св. апостола Петра, обращенныхъ къ женамъ-христіанкамъ: „Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“ (1 Петр. III, 3. 4).

Здѣсь прежде всего мы видимъ, что слово Божіе предоставляетъ женщинѣ какъ право, какъ существенную принадлежность, красоту и украшенія: „да будетъ украшеніемъ вашимъ“. Женщина пока остается дѣвицей, на нее, какъ существо требующее особаго охраненія, обращено преимущественное вниманіе и нѣжность родителей и братьевъ; когда она становится женой, въ ней заключается сила тяготенія, удерживающая мужа при домѣ и сосредоточивающая всѣ его заботы на семьѣ; когда она стала матерью, на ней покоятся взоры дѣтей и подъ ближайшимъ ея вліяніемъ раскрываются ихъ души. Женщина, служащая средоточіемъ столькихъ привязанностей, должна быть прекрасна, потому что должна быть любима; а любить не прекрасное несвойственно человѣку. Но потому самому, что на любви къ женщинѣ опирается столько основъ для развитія и благосостоянія человѣчества, черты красоты ея должны быть истинны, существенны и долговѣчны. Въ чемъ же онѣ состоятъ?

„Да будетъ украшеніемъ вашимъ, продолжаетъ апостолъ, не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы, или нарядность въ одеждѣ“. Этими словами очевидно только устраняется черта, не входящая въ составъ истиннаго идеала женщины и часто несправедливо къ нему присоеди-

няемая, такъ какъ внѣшнее убранство не составляетъ собственно человѣка. Образованныя христіанки знаютъ это. Для нихъ нѣтъ надобности объяснять, что излишняя роскошь и изысканность въ нарядахъ, даже при богатомъ состояніи, несоотвѣтствіе ихъ съ возрастомъ, достаткомъ, общественнымъ положеніемъ, обстоятельствами времени, всегда обнаруживаютъ недостатокъ въ женщинѣ—ума, вкуса и должнаго пониманія нравственнаго и общественнаго приличія. Онѣ знаютъ, что апостолъ своимъ замѣчаніемъ предостерегаетъ христіанокъ отъ унижающей ихъ суетности, тщеславія, соперничества, зависти и другихъ пороковъ, которые плодитъ въ женскомъ полѣ пристрастіе къ нарядамъ. Намъ нѣтъ нужды распространяться и о томъ, какъ это вредитъ истинному достоинству женщины. Но мы не можемъ указать на одно современное явленіе, относящееся къ нашему предмету, котораго не было при апостолахъ, но которое легко оцѣнить подъ руководствомъ ученія апостольскаго. Мы говоримъ о модѣ, этой деспотической властительницѣ, которая нынѣ поработила міръ христіанскій. У насъ съ вами нѣтъ силъ поставить преграду этому всезаливающему потоку новостей и непрестанныхъ перемѣнъ въ украшеніяхъ всякаго рода. Но не давайте ему уносить васъ, какъ несутся по теченію воды ладьи безъ кормила и кормчаго. Призывайте свой здравый смыслъ, устанавливайте свой взглядъ, какъ на моду вообще, такъ и на ея произведенія, и да не будутъ, скажемъ примѣнительно къ выраженіямъ апостола, любимымъ, страстно желаемымъ украшеніемъ вашимъ эти наряды и уборы, которые надѣваетъ на васъ невѣдомо кто, перемѣняетъ невѣдомо зачѣмъ, разнообразитъ, не справляясь ни съ вашимъ вкусомъ, ни съ вашими потребностями, ни съ вашими средствами. Но если уже вы порабощены общему

обычаю, то не миритесь въ душѣ съ этимъ рабствомъ, а обсуждайте его унизительную тягость и желайте освобожденія. И это уже много будетъ значить.

Въ числѣ внѣшнихъ украшеній апостолъ не упоминаетъ о природной тѣлесной красотѣ женщины. Это конечно потому, что она есть даръ Божій, хотя сама по себѣ и недолговѣчна. Къ ней женщина, когда ее имѣетъ, должна и относиться какъ къ особенному дару Божію: не примѣшивать къ нему прикрасъ искуственныхъ, не гордиться имъ предъ другими, не употреблять его на соблазнъ людямъ, заботиться, чтобы не повредили его такъ легко отпечатлѣвающіяся на лицѣ душевныя страсти, возвышать его цвѣтами скромности, стыдливости и цѣломудрія. Но истинная, нетлѣнная, способная къ безпредѣльному развитію красота человѣка заключается въ его духѣ. Ее составляютъ добродѣтели или совершенства, пріобрѣтаемыя нами подъ руководствомъ заповѣдей Божіихъ по примѣру Спасителя нашего, по слову пророческому „прекраснѣйшаго паче сыновъ человѣческихъ" (Пс. XLIV, 3). Только эта красота и многоцѣнна предъ Богомъ, какъ образъ Единороднаго Сына Его. Она общая для всѣхъ христіанъ. Всѣ черты этой красоты во всѣхъ видахъ и степеняхъ доступны и духу женщины. Но въ женскомъ духѣ, имѣющемъ всѣ общечеловѣческія свойства, апостолъ желаетъ еще видѣть человѣка сердца: „да будетъ украшеніемъ вашимъ въ нетлѣнной красотѣ духа сокровенный сердца человѣкъ". Что это за особенность? Это преимущественно свойственное женщинѣ своеобразное развитіе духа подъ вліяніемъ присущаго женской природѣ обилія любви, дарованнаго ея сердцу по особенному ея назначенію. Объ этомъ качествѣ женской природы свидѣтельствуетъ исторія всего міра. Женщина есть по преимуществу человѣкъ сердца. Сердцемъ вѣрующимъ, покорнымъ, смиреннымъ, пре-

даннымъ, долготерпѣливымъ относится она къ Богу; тѣмъ же сердцемъ—довѣрчивымъ, сострадательнымъ, выносливымъ, всепрощающимъ—относится она и къ людямъ. Этого человѣка сердца въ отношеніи къ Богу мы видимъ въ мужественной Саррѣ, по повелѣнію Божію оставившей родину и послѣдовавшей за Авраамомъ въ землю неизвѣстную; въ Аннѣ—матери Самуила, изливавшей предъ Богомъ душу свою въ молитвѣ о дарованіи сына; въ женѣ грѣшницѣ обливавшей слезами ноги Спасителя; въ Хананеянкѣ, силою дерзновенія исторгающей слово милости изъ устъ Господа отвергавшаго ее; въ кровоточивой—тайно касающейся ризы Христовой; въ Мvроносицахъ—съ трепетомъ сердца поспѣшающихъ на восходѣ солнца ко гробу Господню, чтобы только помазать мvромъ тѣло возлюбленнаго Учителя,—въ высочайшемъ же совершенствѣ—въ Преблагословенной Дѣвѣ Маріи, изрекшей въ великія минуты Благовѣщенія свое чудное „буди", слагавшей всѣ глаголы въ сердцѣ своемъ, стоявшей въ безмолвныхъ страданіяхъ при крестѣ Іисусовѣ. По отношенію женщины къ людямъ мы не имѣемъ такого обилія историческихъ примѣровъ, въ которыхъ бы съ такою силой проявлялся человѣкъ ея сердца, но для того чтобъ ясно видѣть и здѣсь его черты довольно опытовъ обыкновенной жизни. Мы видимъ его въ вѣрѣ женщины, не подозрѣвающей лукавства человѣческаго, въ слезахъ и порывахъ скорби при видѣ страданій ближнихъ, въ безсонныхъ ночахъ, проводимыхъ у колыбели младенца и постели больнаго, въ прощеніи горькихъ обидъ отъ несправедливаго мужа, въ неистощимой любви и заботѣ о бездарныхъ и даже преступныхъ дѣтяхъ, отвергаемыхъ цѣлымъ міромъ, въ готовности раздѣлить печальную участь погибающаго любимаго человѣка, въ способности отдать все и все вынести по завѣту любви.

Не трудно понять, почему этотъ человѣкъ сердца или любви можетъ получить полное и правильное развитіе только при общей красотѣ духа или при другихъ добродѣтеляхъ христіанскихъ. Любовь, какъ всякое свойство нашей души, можетъ быть направлена и въ добрую и худую сторону. Для направленія ея къ предметамъ достойнымъ нужно хранить христіанскія понятія о Богѣ, о людяхъ, о нашемъ назначеніи и обязанностяхъ; нужно имѣть бдительную и твердую совѣсть, чистоту сердца и помысловъ. Только при такихъ условіяхъ любовь можетъ развиться въ высокую и благотворную силу, напротивъ, не ограждаемая истиною и не направляемая добродѣтелію можетъ перейти въ страстную и разрушающую энергію. Ложныя ученія и дурные совѣты могутъ направить самопожертвованіе женщины къ цѣлямъ не чистымъ, страсти превратятъ мужество любви въ дерзость и озлобленіе; столь драгоцѣнныя въ женскомъ сердцѣ довѣрчивость и сила привязанности могутъ быть похищены людьми порочными, ввести женщинъ въ кругъ преступниковъ и сдѣлать ихъ участницами преступленій. Нашему времени выпала печальная судьба дать всему этому множество потрясающихъ опытныхъ доказательствъ.

Но почему апостолъ требуетъ, чтобъ этотъ *человѣкъ сердца* въ женщинѣ былъ непремѣнно *сокровенный?* Многимъ изъ современныхъ людей это требованіе покажется совпадающимъ со свойственною варварскимъ временамъ и народамъ замкнутостію и запуганностію женщины, съ желаніемъ скрывать ее отъ свѣта, не давать ей свободнаго и дѣятельнаго участія въ жизни общественной. Нынѣ такъ стараются освободить женщину отъ всякаго стѣсненія, раскрыть предъ цѣлымъ міромъ сокровища ея сердца и сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ. Но есть великое различіе между насильственнымъ отчужденіемъ женщины отъ

общества и сохраненіемъ въ сокровенности ея внутренней жизни среди самаго общества. Преимущество женщины есть обиліе любви. Но что такое любовь? Она есть способность духа усвоять себѣ другое существо и отдавать себя ему, когда оно гармонируетъ съ его природой и восполняетъ его жизнь. Такъ духъ нашъ соединяется съ Богомъ и въ Немъ находитъ свое блаженство; такъ человѣкъ узами любви соединяется съ человѣкомъ и въ этомъ союзѣ находитъ свое счастіе или восполненіе и расширеніе своей жизни. Очевидно, что это составленіе связей по закону любви, выборъ людей, возрастаніе или ослабленіе привязанности къ нимъ есть глубокій, многосторонній, сложный и, что всего важнѣе, свободный процессъ развитія духа. Можно ли допустить, чтобы всякій желающій любопытнымъ глазомъ заглядывалъ въ этотъ тайникъ нашей души? Можно ли дозволить вмѣшательство чужаго вліянія въ эту внутреннюю жизнь нашу? Молитва къ Богу есть изліяніе любви къ Нему, и Господь требуетъ, чтобы мы приносили ее въ уединенной клѣти и затворяли за собою двери. Тотъ смутитъ горячо молящагося, кто подсмотритъ его молитву. Правила нашей церкви не допускаютъ, чтобы при общественной молитвѣ сильныя душевныя движенія молящихся были обнаруживаемы выходящими изъ общаго порядка внѣшними дѣйствіями; такія движенія души во всей силѣ должны быть видимы единому Богу. Самую милостыню, какъ дѣло любви къ ближнимъ и вмѣстѣ служеніе Богу, Господь повелѣваетъ творить втайнѣ, чтобы душа благотворящая ничѣмъ не была смущаема. Того же требуетъ самая природа любви и по отношенію къ людямъ. Кто подслушалъ бесѣду искреннихъ друзей или супруговъ, тотъ у всѣхъ народовъ почитается похитителемъ чужой тайны. Тотъ, кого любятъ, оскорбляется даже тѣмъ, когда

безъ его позволенія разсматриваютъ вещи подаренныя ему любящимъ его человѣкомъ. Ясно, что тайна есть существенная принадлежность любви. Поэтому какъ не желать, чтобы человѣкъ сердца въ духѣ женщины, этотъ нѣжный, робкій, стыдливый человѣкъ, возрасталъ и развивался на свободѣ отъ непрошенныхъ свидѣтелей, въ тайнѣ и сокровенности? Но не повредитъ ли эта сокровенность дѣятельному выраженію любви женщинъ въ опытахъ жизни? Нѣтъ! Любовь—сила живая. Она скажется, но тамъ, гдѣ нужно, насколько нужно и предъ кѣмъ нужно. Можетъ быть женщина не скрывающая предъ всѣми своихъ чувствъ останется незамѣченною и потому безполезною для общества? Нѣтъ! Люди знаютъ, что гдѣ крѣпко стерегутъ, тамъ есть сокровища, а гдѣ двери отворены настежъ, тамъ пусто.

Отсюда понятно, почему апостолъ необходимыми свойствами истинно-достойной женщины признаетъ *кротость и молчаливость*. Любовь не уживается съ надмѣнностію, гнѣвливостію и раздражительностію. Сама кротость, соединенная съ нелицемѣрною тихостію и мягкостію нрава, есть принадлежность любви, такъ какъ любовь по существу своему невзыскательна и нетребовательна, но всегда склонна къ уступкамъ и жертвамъ. Самъ Сынъ Божій, Сама Любовь, говоритъ о Себѣ, что Онъ пришолъ не для того, чтобъ Ему служили, но чтобы послужить (Матѳ. XX, 28). Если жена создана на помощь и утѣшеніе мужа, то пойдемъ ли мы искать этого утѣшенія тамъ, гдѣ всегда угрожаютъ вспышки гнѣвливости, гордости и тщеславія? Кротость, какъ выраженіе души мирной и любящей, всегда отпечатлѣвается и на лицѣ женщины и служитъ наилучшимъ ея украшеніемъ. Это выраженіе и непрекрасное отъ природы лицо дѣлаетъ прекраснымъ. Нынѣ требуютъ, чтобы женщина сама заявляла и защищала свои права. Но не на

борьбу создана женщина. Для того чтобы права женщины были неприкосновенны, нужно, чтобы въ другой половинѣ рода человѣческаго были умѣряемы страсти, чтобы мужчины умѣли, по слову того же апостола, женамъ какъ немощнѣйшему сосуду оказывать честь (1 Петр. III, 7). Гдѣ понимаютъ истинное достоинство женщины, тамъ, когда ее оскорбляютъ въ ея чести и правахъ, довольно одного выраженія печали на лицѣ ея, довольно одной слезы, чтобы нашлись для нея надежные защитники. Скорбь и негодованіе, выражающіяся на лицѣ достойной женщины, скорѣе смирятъ ея обидчиковъ, чѣмъ шумныя заявленія правъ съ ея стороны.

Наконецъ при кротости для истиннаго достоинства женщины требуется еще и *молчаливость*. Это свойство еще менѣе, чѣмъ кротость, согласно съ духомъ нашего времени. Скажутъ, что это опять отзывается отчужденіемъ женщины отъ общества, обреченіемъ ея на молчаніе. Но молчаливость есть особенная осторожность въ словѣ, а не постоянное молчаніе. Это свойство женщины дѣлаетъ ее сосредоточенною, ко всему внимательною, наблюдательною, осторожною, способною изучать людей и вѣрно опредѣлять свое мѣсто и значеніе между ними; тогда какъ излишняя говорливость, обнаруживая тайны ея сердца, дѣлаетъ ее предметомъ празднаго любопытства, а иногда и жертвой человѣческой хитрости. Еще древніе говорили, что сосудъ съ благовоніями часто открываемый выдыхается, что нѣжные и дорогіе плоды на деревьяхъ отъ птицъ закрываютъ сѣтью. Нынѣ мы и видимъ, какъ отъ излишней развязности теряется въ женщинахъ скромность и стыдливость, и жадными птицами расхищаются лучшіе плоды незащищаемаго молчаливостію женскаго сердца. Хранить свою любовь для людей достойныхъ и дѣлъ благихъ, меньше высказываться,

не слагать всѣ глаголы въ сердцѣ своемъ,—вотъ правила для охраненія истиннаго достоинства женщины. Къ женщинѣ такого характера лучшіе люди всегда отнесутся съ довѣріемъ; ей охотно откроютъ свою тайну, ей скорѣе чѣмъ кому другому сообщатъ свою радость, предъ нею въ надеждѣ искренняго участія съ отрадой выплачутъ свое горе. Человѣкъ сердца—глубокій, искренній, надежный—вотъ что истинно драгоцѣнно для всѣхъ въ женской природѣ.

Да поможетъ вамъ Господь приближаться въ вашихъ мысляхъ, чувствахъ, дѣйствіяхъ и во всемъ вашемъ поведеніи къ этому свѣтлому идеалу—женщины-христіанки. Имѣя его предъ собою, идите бодро на трудъ жизни. Съ любовію встрѣтитъ васъ общество. Вы будете имѣть и среди трудовъ и среди лишеній испытанныя утѣшенія и истинныхъ друзей. Да сопутствуетъ вамъ всѣмъ и всюду Божіе благословеніе.

Какъ понимать слова молитвы: *соблюди*... (Господи)...*отъ ревности и зависти и отъ очесъ призора* (вторая молитва „въ первый день, по внегда родити женѣ отроча")?

Слова эти относятся къ родильницѣ. Церковь молится, чтобы Господь сохранилъ родильницу *отъ очесъ призора* (οφθαλμων βασκανια). Выраженіе это, повидимому, указываетъ на то дѣйствіе глазъ, которое, у простаго народа называется *порчей глазомъ*; народъ думаетъ, на основаніи, можетъ быть, сдѣланныхъ имъ наблюденій, что отъ лихаго глаза можно захворать, что отъ него нерѣдко происходятъ семейныя разногласія и проч., такимъ образомъ лихой глазъ онъ ставитъ въ причинное отношеніе къ болѣзнямъ. Такая народная *примѣта*, основывающаяся, можетъ быть, на послѣдовательности фактовъ (призора, съ одной стороны, и болѣзни, съ другой) но не на причинномъ ихъ отношеніи,

причисляютъ къ области суевѣрій и предразсудковъ. Теперь, когда церковь молится, чтобы Господь сохранилъ родильницу отъ *призора очесъ*, то не освящаетъ ли она тѣмъ самымъ этотъ предразсудокъ, не утверждаетъ ли, что сглаживаніе *дѣйствительно* бываетъ, что отъ лихаго глаза *дѣйствительно* можно захворать, такъ что въ этомъ случаѣ требуются особыя молитвы церкви? Указаннымъ словамъ молитвы даютъ нѣсколько объясненій. Первое объясненіе заключается въ слѣдующемъ: церковь не занимается рѣшеніемъ вопроса о томъ, оказываетъ ли, или не оказываетъ лихой глазъ вредное дѣйствіе на человѣка, какъ и вообще она не занимается рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ; это дѣло науки, а не религіознаго ученія. Замѣтимъ кстати, что наука едва ли сама можетъ что либо утверждать о лихомъ глазѣ. Не занимаясь рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ, церковь тѣмъ самымъ уже и не запрещаетъ ставить лихой глазъ, наприм. и болѣзни въ причинное отношеніе; она, такъ сказать, ни утверждаетъ, ни отрицаетъ, ни повелѣваетъ, ни запрещаетъ. Но принимая во вниманіе эту народную примѣту, принимая во вниманіе опасности, какія, по понятію народа, могутъ происходить отъ лихаго глаза, принимая во вниманіе особенную болѣзненность родильницы—церковь спѣшитъ съ своею помощію, обращаясь къ Богу съ молитвою сохранить ее (родильницу) отъ этихъ опасностей. „Ты вѣришь, какъ бы такъ говоритъ церковь, въ эту опасность и я помолюсь за тебя". „Церковь не внушаетъ, не открываетъ этой опасности, чтобы найти здѣсь побужденіе для себя къ молитвѣ, но исходитъ отъ этой опасности, какъ данной, готовой, чтобы дать удовлетвореніе предъявленной потребности къ молитвѣ. И это, конечно, не затѣмъ, чтобы поддержать народъ въ увѣренности касательно опасности *отъ очесъ призора*, а затѣмъ, чтобы,

возбудивъ вѣру въ Бога и Его промышленіе о спасеніи человѣка, въ этой вѣрѣ открыть какъ успокоивающее въ боязни опасности побужденіе, такъ и правило, по которому должна быть построяема вообще вся жизнь христіанина“. Поэтому въ словахъ молитвы *отъ очесъ призора* не должно быть ничего соблазнительнаго ни для того, кто вѣритъ въ лихой глазъ, ни для того, кто не вѣритъ въ него. Молитвы къ Богу возсылаются не отъ одного какого либо лица, думающаго такъ или иначе, а отъ *„всей церкви*, въ которой есть и такія, которыя вѣрятъ въ дѣйствіе лихаго глаза.—Такое въ сущности объясненіе словъ *отъ очесъ призора* даютъ Московскія Епархіальныя Вѣдомости (1879 г. № 23).

Другое толкованіе словамъ молитвы *отъ очесъ призора* дастъ „Православное Обозрѣніе“ (мартъ, 1880 г). Авторъ статейки, помѣщенной въ „Прав. Обозр.“ не допускаетъ, чтобы святая церковь могла относиться равнодушно къ народнымъ суевѣріямъ; она осуждаетъ и отвергаетъ ихъ. Въ словахъ молитвы *отъ очесъ призора* не подразумѣвается народное вѣрованіе въ сглазиваніе, въ лихой глазъ. Этого не позволяютъ видѣть въ означенномъ выраженіи ни святость церкви, ни значеніе словъ. Призоръ—βασκανία происходитъ отъ глагола βασκαίνω, который имѣетъ три значенія. Первое его значеніе по латынѣ—fascino сглазиваю, обвораживаю, обморачиваю: второе—invideo—завидую, завиствую; и третье—criminor—виню, обвиняю, порицаю, поношу, кладу печать позора. Въ новыхъ лексиконахъ βασκανία принимается въ значеніи клеветы, позора.. Очесъ призоръ посему будетъ значить: 1) *призираніе* (наблюдательность) любопытствующаго глаза, который хочетъ высмотрѣть вывѣдать; 2) *назираніе*—выслѣживаніе во всѣхъ подробностяхъ любопытнаго, высматривающаго лукаво, глаза

съ цѣлію подмѣтить, уловить что нибудь достойное порицанія, осужденія, клеветы". Въ требникѣ Петра Могилы выраженіе отъ *очесъ призора* замѣнено словами—*очеснаго негодованія*; глазъ здѣсь понимается не какъ естественный производитель того или другаго впечатлѣнія на другихъ, а какъ выразитель внутренняго злобнаго настроенія и расположенія души. Послѣ этого слова—*отъ очесъ призора*—будутъ совершенно понятны, и для уразумѣнія ихъ не предвидится надобности прибѣгать къ народному вѣрованію въ сглазиваніе.—Извѣстно, что когда въ домѣ родится младенецъ, то родильницу считаютъ своею обязанностію навѣстить родственницы, кумушки, знакомыя. Любопытству ихъ, кажется, не бываетъ конца; онѣ все выслушиваютъ,—объ всемъ распросятъ, все обсмотрятъ—родильницу, ребенка, сейчасъ опредѣлятъ, на кого похожъ новорожденный, на отца, или на мать, или ни на кого изъ нихъ, своевременно ли родился ребенокъ, почему дѣвочка, а не мальчикъ, даже взвѣсятъ ребенка на рукахъ, дадутъ родильницѣ тысячи совѣтовъ и проч. и проч. Сколько поводовъ къ пересуду, осужденію, порицанію, здѣсь, въ комнатѣ родильницы, тайнымъ, выраженнымъ только *глазомъ*, а тамъ, за дверьми дома и явнымъ, выраженнымъ словами... Вотъ почему божественный законъ (Лев. 18 гл.), равно какъ естественное благоразуміе и цѣломудренная скромность женщины оберегаютъ родильницу отъ всякаго любопытства постороннихъ.—„Можетъ ли послѣ сего казаться страннымъ, отзываться суевѣріемъ слово молитвы, которою церковь освящаетъ комнату родильницы и проситъ, чтобы Господь оградилъ ее свѣтлыми, сіяющими ангелами отъ очесъ призора"?

Въ 28 № Руковод. для с. паст. за 1879 г. въ статьѣ „Срѣтенская вода отъ пристрита (тоже что отъ „глаза")

дается такое объясненіе словамъ—*отъ очесъ призора.* Мы понимаемъ выраженіе: „отъ очесъ призора“, какъ пристальный взоръ (Прем. І. С. 41, 26) на жену, въ смыслѣ 7-й заповѣди, какъ соревнованіе въ дѣлѣ рожденія и воспитанія дѣтей, что особенно замѣтно было въ Ветхомъ Завѣтѣ. Отсюда зависть и ревность—явленія, нарушающія правильный ходъ супружескаго счастія и благодатнаго воспитанія дѣтей; отсюда и молитва церкви, какъ чадолюбивой матери, всегда заботящейся о сохраненіи между супругами вѣчной любви, цѣломудрія и святости. По крайней мѣрѣ, можно положительно думать, что выраженію „отъ очесъ призора“, церковь не придаетъ значенія „пристрита“, какъ болѣзни или другой чарующей силы, такъ какъ въ одномъ и томъ же предложеніи она особо молится о соблюденіи родильницы „отъ недуга и слабости“, а „призоръ очесъ“ ставитъ въ ряду понятій ревность и зависть (стр. 277). Изъ этого объясненія видно, что начало слова—*призоръ* въ библіи—у Іисуса сына Сирахова 21 гл. 26 ст., гдѣ сказано: *стыдится* (21 ст.)... *отъ присмотренія жены мужатыя.* Вотъ вамъ и призоръ очесъ. Въ „Посланіи патріарховъ въ восточно-каѳолическія церкви о православной вѣрѣ“ читаемъ: „всѣ сіи книги (тріоди, минеи и проч.) содержатъ здравое и истинное богословіе и состоятъ изъ пѣсней—или выбранныхъ изъ св. Писанія, или составленныхъ по внушенію Духа, такъ что въ нашихъ пѣснопѣніяхъ только слова другія, нежели въ Писаніи, а собственно мы поемъ тоже, что въ Писаніи только другими словами (Прибавл. вопросъ и отвѣтъ 3-й). Эти слова Посланія можно отнести и къ составу молитвъ церковныхъ: онѣ всѣ полны выраженій библейскихъ; и въ Библіи нужно искать объясненія словъ молитвъ.

Рѣчь г. Оберъ-Прокурора св. Синода.

Въ прошломъ (13 мъ) выпускѣ Епарх. Вѣдомостей въ отдѣлѣ Внутреннихъ Извѣстій сообщено было о посѣщеніи г. Оберъ-прокуроромъ ярославскаго епарх. женск. училища и коротко передано содержаніе его рѣчи къ воспитанницамъ. Приводимъ теперь ее сполна:

„Вы оставляете сегодня домъ вашего воспитанія. Шесть лѣтъ вы прожили здѣсь въ мирѣ, и то добро, съ которымъ отпускаютъ васъ отсюда, есть первое благо вашей жизни. Берегите его, внесите его съ собою въ домы родителей вашихъ, и храните всю жизнь, какъ сокровище, тѣ начала свѣта и истины, которыя здѣсь положены въ васъ. Храните благодарную память о достопочтенной начальницѣ вашего воспитанія и всѣхъ ея сотрудникахъ.

„Храните благоговѣйно священную память усопшей благодѣтельницы Государыни Императрицы Маріи Александровны, и молитесь за Нее. Она Сама желала этого и завѣщала всѣмъ любящимъ Ее поминать ее на литургіи, когда приносится безкровная жертва на Престолѣ Господнемъ.

„Прихожу къ вамъ со свѣжей Ея могилы и приношу вамъ послѣдній завѣтъ Ея. Усопшая оставила вамъ всѣмъ въ завѣтъ украшавшія Ее добродѣтели. Возьмите ихъ себѣ: онѣ для васъ драгоцѣннѣе всякаго иного украшенія.

„Она завѣщала вамъ, вопервыхъ, крѣпкую, горячую вѣру свою и любовь къ Церкви православной. Не въ ней Она родилась, не въ ней была воспитана, но душа Ея была способна увидѣть и почувствовать всю несказанную красоту и истину православной Церкви въ ея ученіи и богослуженіи. Она скоро сроднилась съ нею и черезъ Церковь тотчасъ сроднилась съ народомъ, приняла въ Себя духъ его и стала намъ Своя, родная Императрица. До послѣд-

нихъ дней жизни Она поминала съ глубокою признательностію тѣхъ, кто ввелъ Ее въ Церковь и показалъ Ей нашу церковную красоту.

„Любите вы выше всего на свѣтѣ нашу святую Церковь, такъ какъ любитъ человѣкъ, однажды узнавши, верховную красоту и ничего не хочетъ промѣнять на нее. Иныя изъ васъ будутъ имѣть своихъ дѣтей, иныя будутъ наставницами чужихъ. Вы будете между ними апостолы добра и правды, если передадите имъ эту любовь къ Церкви, введете ихъ въ Церковь, покажете имъ красоту церковную. По истинѣ сдѣлаете великое дѣло и спасете многихъ отъ духовной смерти, выведете изъ мрака въ свѣтъ. Вамъ самимъ съ этою любовью къ Церкви не страшны будутъ никакіе соблазны лживыхъ ученій. Будете жить среди народа: только чрезъ Церковь можете вы сойтись съ народомъ просто и свободно и войти въ его довѣріе.

„Дальше завѣщала вамъ усопшая свою кротость, скромность и сдержанность. Ей ли Царицѣ Русской было не блистать среди людей? Но душа Ея не того требовала. Она не хотѣла блистать во внѣшности: вся Ея слава, по слову Пророка, была внутрь, и всѣ свои сокровища Она собирала внутрь себя, а не расточала въ праздномъ словѣ. И сила Ея внутри дѣйствовала. Кто подходилъ къ Ней, тотъ чувствовалъ присутствіе чистоты, ума, доброты, и самъ становился при Ней чище, свѣтлѣе, сдержаннѣе. Евангельское слово показываетъ намъ двухъ женщинъ, которыя были любезны Христу Спасителю: Мароу, попечительную и суетливую хозяйку, и Марію, горѣвшую огнемъ любви и вѣры. Сестра жаловалась, что Марія мало помогаетъ ей въ хозяйствѣ. Но Господь оправдалъ Марію, сказавъ про нее, что она благую часть избрала. Благо тому гдѣ есть своя Марія, которая, не допуская себѣ и дому своему погрязнуть

въ дѣлахъ житейскихъ, горитъ въ душѣ вѣрою и любовію къ Божественному Учителю, и все въ домѣ своемъ одухотворяетъ тѣмъ же чувствомъ. Наша усопшая незабвенная Марія зоветъ васъ къ этому своимъ примѣромъ: Духа не угашайте въ себѣ и блюдите свято свое внутреннее сокровище. Не вѣрьте когда услышите нынѣшнихъ льстивыхъ проповѣдниковъ о женской свободѣ и вольности. То говорятъ лживые пророки, вошедшіе въ міръ. Вамъ же сказано истинное слово: не мѣсто женщинѣ ни на каѳедрѣ, ни въ народномъ собраніи, ни въ церковномъ учительствѣ. Мѣсто ея въ домѣ, вся красота ея и сила во внутренней храминѣ и въ жизни, безъ словъ служащей для всѣхъ живымъ примѣромъ.

Еще завѣщала вамъ усопшая Императрица свое милосердіе—великую женскую добродѣтель. Сердце Ея было сострадательно, дающая рука Ея не оскудѣвала, и вы знаете какъ Она посвятила всю Себя въ послѣдніе годы жизни великому дѣлу попеченія о больныхъ и раненыхъ въ минувшую войну. Сами вы увидите и почувствуете: всѣ наши высокія дѣла, наши печали и восторги, все проходитъ и исчезаетъ. Одно прочно—простыя дѣла милосердія: алчущаго напитать, жаждущаго напоить, нагаго одѣть, а выше всего темную душу освѣтить свѣтомъ Богопознанія, холодную согрѣть огнемъ любви—вотъ дѣла, которыя пойдутъ вслѣдъ за нимъ.

„Наконецъ завѣщала вамъ Императрица Свое терпѣніе, которымъ увѣнчалась Ея жизнь въ послѣдніе время, исполненная великихъ страданій. Чѣмъ выше санъ, тѣмъ тяжелѣе служеніе, тѣмъ разнообразнѣе испытанія, тѣмъ чувствительнѣе печали. Много испытала усопшая наша Императрица. Богъ послалъ Ей великое горе—видѣть въ гробу нѣжно любимаго сына, прекраснаго юношу, образъ Ея и подобіе

и по чертамъ лица и по свойствамъ душевнымъ, Она всю душу положила въ него, и въ ту пору когда онъ разцвѣталъ на радость всей землѣ нашей, смерть сразила его по судьбамъ Божіимъ и бездыханнаго положила предъ Матерью. Такое горе перенесла она, но не могла забыть его до послѣднихъ минутъ жизни своей. Сколько страдала она душой и отъ бѣдствій войны, и отъ злодѣйскихъ смутъ въ Россіи и въ столицѣ. Наконецъ, послѣднее время болѣзни было для Нея по истинѣ непрерывнымъ страданіемъ. Но никто никогда, даже изъ самыхъ близкихъ женщинъ служившихъ Ей, не слыхалъ отъ Нея ни вздоха, ни слова, ни движенія ропота или жалобы. Она знала что дни Ея сочтены, но положила всю жизнь въ Бога и Христа Спасителя, и каждую минуту готова была перейти въ лучшій міръ. Она молила Бога скончаться въ тишинѣ, и молитва Ея была услышана. Однажды утромъ Она едва проснулась для новыхъ страданій какъ и заснула тихо, ни для кого незамѣтно, вѣчнымъ сномъ. Вѣруемъ, что Она пробудилась для новой вѣчной жизни и, конечно, если Ей дано прозирать оттуда въ здѣшній міръ, чистая душа Ея въ эту минуту съ улыбкой смотритъ на васъ и васъ благословляетъ".

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О принятіи женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства подъ покровительство Ея Высочествомъ, Государынею Цесаревною. Государь Императоръ 2-го іюня сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: Состоявшимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Александровны женскимъ училищамъ духовнаго вѣдомства, согласно выраженному Государынею Цесаревною Маріею Ѳеодоровною соизволе-

нію — нынѣ состоятъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, съ тѣмъ чтобы всѣ дѣла по симъ учрежденіямъ, на основаніи ихъ уставовъ, восходившія на утвержденіе блаженной памяти Императрицы Маріи Александровны, были представляемы на разрѣшеніе Ея Высочества Государыни Цесаревны.

— **Назначеніе товарища министра народнаго просвѣщенія.** — Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату: оберъ-прокурору перваго департамента правительствующаго сената, тайному совѣтнику **Маркову** — всемилостивѣйше повелѣно быть товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

— **Снятіе опалы съ саратовской дух. семинаріи.** 2-го іюня Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: въ отмѣну послѣдовавшаго въ 19 день мая 1869 года Высочайшаго повелѣнія, предоставить воспитанникамъ саратовской духовной семинаріи право поступать въ духовныя академіи наравнѣ съ воспитанниками прочихъ духовныхъ семинарій, безъ какого либо сравнительно съ другими семинаріями ограниченія. По поводу сего дозволенія духовенство саратовское на съѣздѣ 3-го іюня постановило: поднести благодарственный адресъ г. оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву.

По министерству Нар. Просвѣщенія состоялось распоряженіе, въ силу котораго для воспитанниковъ сарат. дух. семинаріи окончившихъ курсъ наукъ, открывается прежде закрытый доступъ въ университеты и въ историко-филологическій институтъ.

Подписавшіяся на 2-е полугодіе получатъ, наравнѣ съ годовыми подписчиками, въ концѣ года 1-й выпускъ Иллюстрированныхъ драмъ Шекспира въ новомъ стихотворномъ переводѣ. Подписная цѣна съ пересылкою на $^1/_2$ года 2 р. 25 к., на $^1/_4$ года 1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 50 к. Адресъ конторы редакціи: Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ: **Торжество открытія памятника А. С. Пушкину** въ Москвѣ 6 іюня 1880 г., съ біографіею поэта. Изящное иллюстрированное изданіе въ память этого торжества. Въ сборникѣ помѣщены сполна всѣ наиболѣе замѣчательныя рѣчи, произнесенныя при торжествѣ. Цѣна 50 к. съ перес. 75 коп.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ: Уставъ епарх. женск. училищъ, дополненный: а) указами св. Синода; б) инструкціями инспектору классовъ, начальницѣ, воспитательницамъ, дѣлопроизводителю и эконому Пенз. епарх. женск. училища; в) постановленіями общеепархіальныхъ съѣздовъ духовенства Пенз. епархіи. Пенза, 1880 г. Ц. 75 к. съ пересылкою.

2. **Изъясненіе церковно-гражданскихъ постановленій относительно браковъ, заключаемыхъ въ родствѣ или свойствѣ.**

Есть экземпляры, исправленные согласно съ постановленіями пенз. дух. консисторіи Ц. 56 коп. съ пересылкою.

Адресоваться на имя преподавателя пенз. дух. семинаріи, *Николая Ксенофонтовича Смирнова.*

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

Редакторы, преподаватели семинаріи: А. Поповъ. Н. Смирновъ.

Дозволено ценз. Пенза, 15 іюля 1880 г. Цензоръ, ректъ сем., прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.